

ТОЧНОСТЬ ОБРАЗА

НА СНИМКЕ: Юрий Заборовский.

МОСКВА военная. По завьюженным улицам столицы шагает отряд за отрядом. Суровые, сосредоточенные лица. Остро и холодно блестят винтовки.

Девятилетний Юра провожает бойцов на фронт. Ему так хочется, чтобы кто-нибудь взглянул на него. Но ожесточенные глаза солдат устремлены куда-то в снежную даль. И вдруг один боец замечает озябшего мальчонку и ласково улыбается ему. Будто лучик солнца прорывает свинцовую дремучесть неба! Юра с безудержным счастьем бежит за ним, машет ему рукой и смеется.

Дома его ожидает заплаканная мать. Она сидит на тяжелых чемоданах и невидяще смотрит в окно. Через несколько часов Юра покинет Москву. Эвакуация.

Душу леденит вой сирены. И вдруг Юра говорит матери: «Я нигде не уеду из Москвы, мама! Я остаюсь в Москве!».

...Через тридцать лет актер Ульяновского областного драматического театра Юрий Заборовский вернется памятью к этому случаю, который оставил глубокое от-

ложение в его характере. Играв мятежного Александра Блока («Вьюга»), он обязательно вспомнит военную Москву, плотные ряды бойцов, холодные отсветы винтовочной стали и добрую улыбку того солдата... Как что-то знакомое и дорогое бросит актер в зрительный зал блокковские строки:

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

ДВЕРЬ с шумом распахнулась, и на пороге вырос ликующий сын.

— Мама, я — артист!

Мать отложила шитье в сторону и подошла к Юрию. Бережно заглянула ему в глаза. Вот и еще один узелок завязал на своей судьбе ее сын. Уже стали памятью недавние три года нелегкой солдатской службы, четырехлетняя работа монтировщиком сцены в Малом театре. А теперь он студент Щепкинского училища. Будет артистом. Странно. Выходит, плохо она знала своего младшего сына. Старший, тот бредил театром, играл в каких-то драматических кружках, Юру туда заманивал,

иной раз и прихвастнуть мог перед братом. А вышло все наоборот. Артистом стал младший. Жаль, что отец не дождался этой минуты. Попродовался бы за сына.

— Мама, ты знаешь Пашенную? Народная артистка СССР. Она мне предлагала сразу на второй курс перейти. Но я отказался. Хочу начинать с азов. Правильно я сделал, мама?

— Конечно, сынок.

Ее поцелуй он хранит как материнское благословение.

БЕСКОНЕЧНЫЙ людской поток. Нерасторжимая цепь спянных одной верой сердец. Мавзолей вождя. Строго и светло на душе у Юрия Заборовского. Ему кажется, что все люди внимательно присматриваются к нему, словно испытывают....

В памяти со всеми мельчайшими подробностями встает вчерашний день. Народный артист СССР А. Н. Анненков, рекомендовавший Заборовского в партию, жмет ему руку:

— Поздравляю, Юрий. Отныне ты не только артист, но и коммунист...

Через всю жизнь пронесет он эти слова. «Да я за партию глотку вражью перегрызу», — это его Макар Нагульнов («Поднятая целина»). «Мы солдаты революции, и служить ей будем верой-правдой, пока не сыграем в ящик», — это его Платонов («Океан»). Это его Дзержинский («Именем революции») и многие другие герои коммунисты.

Что их объединяет? Высокая гражданская позиция, неистребимая вера в чистоту партии. Внешне они могут показаться несколько грубоватыми и прямолинейными, но здесь актеру важнее всего — четко вылепленная мысль, которая выстрадана не в момент спора, а задолго до него. Резкость Нагульнова и Платонова идет не от бедности внутреннего мира, а от неколебимой убежденности в правоте того, что они защищают. И эту убежденность обоим доказывать трудно. Нагульнов, как сквозь тугосплетенные ветви, продирается в разговоре сквозь собственное косноязычие к новой для казаков правде, а Платонов имеет дело с умным, интеллигентным парнем (Часовников), умеющим отстаивать свое «я».

Герои Заборовского меньше всего обеспокоены тем, чтобы понравиться окружающим. Истина для них дороже соображений деликатности и великодушия. И, возможно, поэтому все слабости их характера, высвеченные на жи-

тейском фоне, так искренни и человечны.

Его герои всегда несут в себе политику. Даже Алексей Лавров («Круги ада»), изо всех сил внушающий себе и людям: «политика — не мое дело», по своей сути самая политическая фигура в спектакле. И втайне Лавров понимает, что свой нейтралитет он выдумал сам, что эта утешительная соломинка не только не помогает ему выбраться на берег, но и топит его. В каждом слове Лаврова — Заборовского сквозит нераспелая тоска по Родине. И тоска эта еще мучительнее от того, что ее сдерживают угрызения совести и нерешительная воля. В конце он перешагивает через них, но платит за это жизнью.

Причудлива актерская судьба. С одной стороны, Дзержинский; Нагульнов, Платонов, с другой — царский ротмистр Лютов («Ульяновы») и белогвардейский офицер Яровой («Любовь Яровая»). Посредине — ученый-космополит Алексей Лавров. Но противоречивый, сложный натиск своих героев Заборовский выдерживает с честью. Сама политическая и человеческая позиция героев не дает актеру повториться.

Если Нагульнову и Платонову не до деликатных сентенций и хитростей в обращении с людьми, в защите своих идей, то для Лютова и Ярового это — главное оружие. Оба ненавидят разные формы одной свободы: ротмистр — высокий демократизм Александра Ульянова, белогвардейский офицер — Советскую власть Кошкиных и Швандей. Отношение Заборовского к ним очень точно и принципиально. Он их «наказывает» и разоблачает методом от противного. Актер наделяет и Лютова, и Ярового бесспорным умом и просвещенностью. Это сильные, настоящие враги. Но именно такие враги и подчеркивают величие идеи Ульяновых и Кошкиных. Контраст бьет без промаха. Лютов и Яровой отступают перед правдой, которой они не в силах противостоять.

Герои Заборовского вообще склонны к сосредоточенным раздумьям при внешней скупости выражения чувств. Слушать их всегда доставляет определенное наслаждение. Очевидно, непреложная мысль, что как бы ни был живописен и противоречив герой, в нем никогда не умрет актер, наделяющий его собственным объяснением и мироощущением. Внутрен-

нее «я» Заборовского всегда точно ложится в образ роли. В этом отношении можно сказать, что Заборовский — актер острохарактерный. Ему больше всего удаются те образы, у которых позиция в жизни резко очерчена, которые несколько насмешливы к житейским обстоятельствам и любят пропускать их через мысль.

Возможно, поэтому характер Арбенина («Маскарад») не был для Заборовского чем-то неожиданным и случайным. Просто все, что игралось до этого актером, нужно было слить воедино. Потребовалось громадное творческое напряжение. Ведь Арбенин задал такую загадку, решить которую с помощью одного сценического мастерства невозможно. Требовалась полнейшая самоотдача ума и души.

Арбенин — Заборовский всегда на взлете мысли и страсти. И в этом мучительном парении между небом и землей — истинная трагедия великого ума, восставшего против условностей земного бытия. Следовал ли Арбенин в своей жизни соображениям совести и добра? Какую тайну он спрятал в Нине? Кто виновен в его сумасшествии? Однозначно не ответишь. Ибо лермонтовский мир не вмещается в привычное представление о гении. Вполне понятно, что ни режиссер, ни актер не стремились ответить сразу на все вопросы. Выдвинутая на первый план линия Арбенин — Нина — общество сняла с героя налет демонизма. Его любовь к Нине настолько глубока и безоглядна, что наибольшая доля вины в ее гибели ложится на звездичей и пшприхов — такова логика актерского замысла. О Заборовском — Арбенине уже писали. Успех актера несомненен. Это лучшая его роль.

Юрий Заборовский всегда там, где люди, где проблемы. Этот активный интерес к жизни сквозит у него и на сцене. Возможно, отсюда идет внутренняя наполненность его героев, их гражданская и человеческая целеустремленность.

Директор театра и его ведущий актер, член правления Ульяновского отделения ВТО, депутат Ульяновского городского Совета — таков Юрий Заборовский.

Священно для него напутствие народного артиста СССР А. Н. Анненкова:

— ...Отныне ты не только артист, но и коммунист.

Е. МЕЛЬНИКОВ.